

КИРА КОЛЛИНЗ

МЕТКА
Алой Лилии

Кира Колинз

Метка Алой Лилии

«Автор»

2026

Колинз К.

Метка Алой Лилии / К. Колинз — «Автор», 2026

Я очень долго мечтала о настоящем расследовании, опасных преступниках и настоящей работе дознавателя. Но не ожидала, что первое же дело окажется связано со мной самой. Весь город переполошился, узнав о смерти одного из самых влиятельных лордов нашего государства. Однако, мало кто знает, что преступник оставил на груди убитого алую лилию — точную копию метки, которую я всю жизнь скрывала под одеждой. Теперь, чтобы добраться до правды, мне придётся войти в Особый отдел и работать бок о бок с Ксавьером Блэквудом — человеком, от которого невозможно ничего скрыть. Он уже понял, что я знаю больше, чем говорю. А следы ведут туда, куда я меньше всего хотела бы заглядывать, — в прошлое моей семьи.

© Колинз К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кира Колинз

Метка Алой Лилии

Глава 1

Если бы год назад кто-нибудь сказал мне, что вместо участия в громких городских расследованиях, погонях за контрабандистами по скользким крышам и хитроумных допросов я буду коротать лучшие часы своей молодости в пыльном углу Следственного Бюро, я бы расмеялась этому безумцу в лицо.

И вот она я. Вивьен Валоран. Младший дознаватель седьмого — самого донного, унылого и бесперспективного — ранга.

Отдежурить целый год в ведомстве, которое является щитом и мечом закона в Эльсиноре, и до сих пор сидеть на разборе бесконечных кляуз от заносчивых мелких аристократов — это надо было умудриться. Впрочем, если быть до конца честной, за свой непозволительно острый язык и дурную привычку говорить старшим по званию всё, что я думаю об их умственных способностях, я ещё легко отделалась. Сортировка старых записей, опись изъятого имущества и расшифровка долговых расписок — вполне стандартное наказание для таких, как я. Тех, кто слишком много умничает, но кого жалко выгнать на улицу из-за хороших показателей на экзаменах.

Следственное Бюро жило своей привычной, суматошной жизнью. Где-то на нижних ярусах, в камерах предварительного содержания, истошно вопил пойманный с поличным карманник, клянясь всеми богами, что чужой кошель сам запрыгнул ему в штаны. По коридорам непрерывно хлопали тяжелые двери, гулко стучали подкованные сапоги гвардейцев, а в воздухе намертво повис запах дешевого сургуча, крепкого черного чая и сырости, тянущейся из подвалов.

Я отложила в сторону изрядно погрызенное на конце гусиное перо и с громким хрустом потянулась, разминая затекшую спину.

Деревянное казенное кресло, выданное мне в безраздельное пользование, казалось, было спроектировано специально для пыток еретиков, а не для работы с документами.

Форменный сюртук младшего дознавателя — мышино-серого цвета, отвратительно прямого кроя, скрывающего любую фигуру, и сшитый из самой колючей шерсти, какую только можно было найти на столичных рынках, — неприятно стягивал плечи.

Я раздраженно выдохнула и расстегнула три верхние пуговицы глухого ворота, чтобы грубая ткань перестала немилосердно натирать шею и позволила мне нормально вздохнуть.

В этот момент кожу на левой лопатке едва заметно стянуло, словно от легкого прикосновения крапивы.

Это было привычное ощущение, знакомое мне с самого раннего детства. Там, чуть ниже ключицы и ближе к спине, красовалось странное родимое пятно. Идеально ровный, ярко-алый рисунок, до пугающего похожий на распутившуюся лилию.

Когда я была маленькой, матушка постоянно следила за тем, чтобы моя спина была плотно закрыта тканью, зашнуровывала мои платья как можно плотнее и испуганно шептала что-то про родовое проклятье.

Но мамы давно не стало, а я со временем просто привыкла к своему секрету. Родинка и родинка, в нашем государстве они пока еще не под запретом.

Стерев с указательного пальца въевшееся чернильное пятно, я снова взялась за перо. Мне оставалось дописать всего пару строк в протокол об изъятии двадцати рулонов краденого

шелка, когда тяжелые дубовые двери нашего отдела распахнулись с таким грохотом, будто снаружи их вышибли тараном.

От неожиданности я вздрогнула, но перо не уронила — выдержка, наработанная за год службы в этом сумасшедшем доме, давала о себе знать. В Следственном Бюро тихие дни были такой же редкостью, как трезвый матрос в портовом кабаке.

Но когда в проходе появилась высокая мужская фигура, разговоры в помещении обрвались сами собой. Писари за соседними столами разом притихли, кто-то торопливо склонился над бумагами, изображая внезапное усердие, а у меня внутри на короткое мгновение всё неприятно подобралось.

Ксавьер Блэквуд. Старший дознаватель Бюро, глава Особого отдела и человек, рядом с которым даже самые отбитые головорезы поджигали хвосты.

Он был высоким, широкоплечим, с резкими чертами лица и тёмными бровями, которые почти всегда оставались слегка нахмуренными. Губы его привычно сжимались в прямую жёсткую линию, а холодные серые глаза смотрели внимательно и тяжело, словно замечали гораздо больше, чем человеку хотелось бы показать.

Блэквуд остановился на пороге и почти сразу нашёл меня взглядом среди десятка служащих.

— Валоран, — громко произнес он.

— Ваша мрачность, — я неторопливо поднялась из-за стола, демонстративно отряхнула мышинный сюртук и отвесила самый безупречно-фальшивый поклон, на который только была способна в сложившихся обстоятельствах. — Чем скромный младший дознаватель седьмого ранга заслужил визит самого главы Особого отдела? Неужели кто-то снова украл у градоправителя его любимого карманного голубя, и вам срочно понадобились мои феноменальные способности для его поисков?

Кто-то из писарей позади меня судорожно поперхнулся воздухом.

Но Блэквуд даже не дернул бровью. За этот год он, кажется, окончательно смирился с тем, что я единственная из всего младшего состава не падаю перед ним в обморок и не заикаюсь от страха.

Хотя, говоря откровенно, его взгляд, медленно и холодно скользнувший по моему растегнутому воротнику, заставил меня на секунду усомниться в своей же адекватности.

— Оставь свои искрометные шуточки для вечерних посиделок в трактире, Вивьен, — чеканя каждое слово, словно вколачивая гвозди, произнес он. — Собирайся и не забудь взять чернила и уплотненные пергаменты для официальных протоколов. Ты едешь со мной.

Я замерла, так и не донеся руку до стопки чистых листов. Воздух в кабинете показался мне вдруг слишком густым.

— Я? Еду с вами? На место преступления? — я непонимающе моргнула, отбрасывая привычный сарказм. — Старший дознаватель, при всем моем безграничном уважении, мой ранг — седьмой. Мой должностной максимум — это опись имущества у разорившихся лордов и оформление жалоб на ночные пьяные драки. На серьезных выездах Особого отдела мне быть не положено. Если об этом узнает инспекция...

— Правила здесь устанавливаю я, так что будьте добры выполнить приказ, — отрезал Блэквуд, привычным, резким жестом натягивая на руки темные кожаные перчатки. — Двадцать минут назад в своем загородном поместье, в собственной закрытой библиотеке, был найден мертвым лорд Огаст Рейнхарт.

Огаст Рейнхарт. Это имя знал каждый житель столицы. Один из самых старых, сказочно богатых и влиятельных лордов в округе. Человек, который заседал в Высшем Совете, имел личный выход на министров и мертвой хваткой держал за горло половину торговых гильдий государства. Убийство фигуры такого масштаба означало не просто расследование. Это озна-

чало политическую бурю, летящие с плеч головы и колоссальное давление на Следственное Бюро.

— И при чем здесь я? — тихо спросила я, чувствуя, как неприятный холодок ползет вдоль позвоночника. — У вас целый штат опытных дознавателей.

— При том, Валоран, что половина моих людей сейчас задействована в досмотре судов в Нижнем порту, — Ксавьер сделал длинный шаг вперед. Я явственно ощутила терпкий запах оружейной смазки и дорогого табака, исходящий от него. — А оставшиеся имеют слишком тесные связи со столичной знатью.

Он навис надо мной, понизив голос до холодного, почти металлического тона:

— Смерть лорда Рейнхарта — событие такого масштаба, что любая найденная в его кабинете бумага может стать инструментом шантажа. Мне нужен на месте человек без покровителей из высшей знати. Тот, кто не обременен долгами или личной преданностью кому-либо из аристократов. Тот, кто будет лишь беспристрастно заносить в протокол каждый документ, не пытаясь утаить компрометирующие письма ради собственной выгоды.

— А я, значит, слишком незначительная фигура для подобных интриг? — хмыкнула я, не удержавшись.

— Именно, — отрезал Блэквуд, сверля меня непроницаемым взглядом. — У тебя седьмой ранг, скромное жалованье и полное отсутствие связей в высшем свете. К тому же, если верить словам твоих сослуживцев, ты составляешь описи быстрее всех в этом здании.

Он резко развернулся, даже не допуская мысли о том, что его приказ может быть проигнорирован. Тяжелые сапоги глухо стукнули по каменному полу.

— Мой экипаж ждет у главного входа. У тебя ровно три минуты, Валоран. Если опоздаешь хотя бы на мгновение — побежишь следом за повозкой.

— Обожаю свою работу, — пробормотала я себе под нос, лихорадочно сгребая со стола несколько чистых листов плотного пергамента, запасные перья и надежно закрученный флакон с чернилами. — Просто боготворю. Ни дня без приключений.

Застегивая воротник колючего сюртука на все пуговицы прямо на бегу, я подхватила сумку и выскочила из отдела вслед за развевающимся черным плащом Ксавьера Блэквуда, провожаемая изумленными взглядами коллег.

Глава 2

Экипаж Особого отдела неся по мощеным улицам Эльсинора с такой скоростью, будто за нами гналась свора голодных волков. Рессоры жалобно скрипели на каждом ухабе, а жесткие деревянные сиденья, обитые потертой кожей, вытрясывали из меня последние остатки спокойствия.

Ксавьер Блэквуд сидел напротив и за всю дорогу не проронил ни слова. Скрестив руки на груди, он смотрел в маленькое мутное окно экипажа, за которым один за другим мелькали серые фасады столичных домов, мокрые крыши и прохожие, торопливо уступавшие дорогу служебной повозке.

На ухабах нас ощутимо подбрасывало, но Блэквуд почти не двигался, лишь изредка сильнее упирался сапогом в пол. Его резкое лицо оставалось непроницаемым, и невозможно было понять, думает ли он об убитом лорде, возможных подозреваемых или уже мысленно составляет список людей, которым к вечеру испортит жизнь.

Я тем временем чувствовала себя особенно неудобно, поэтому старалась лишний раз не шевелиться и судорожно перебирала в памяти стандартные формы протоколов изъятия.

Повозка резко затормозила, так что меня качнуло вперед. Я едва успела упереться руками в край сиденья. Блэквуд даже не шелохнулся.

— Прибыли, Валоран, — бросил он, распахивая дверцу. — Держись за моей спиной, ничего не трогай без приказа и, ради всех святых, держи свой язык за зубами. Местная стража и так на взводе.

Загородное поместье лорда Огаста Рейнхарта встретило нас удушливой атмосферой паники. За высокими коваными воротами сутились вооруженные люди в ливреях. По вымощенному камнем двору бегали слуги с бледными, перекошенными от ужаса лицами.

Мы пересекли холл, где уже выстраивали в шеренгу дрожащую прислугу, и поднялись по широкой мраморной лестнице. У массивных дубовых дверей, ведущих в библиотеку, стояли двое гвардейцев из личной стражи лорда. При виде Блэквуда они инстинктивно втянули головы в плечи и расступились, освобождая проход.

Старший дознаватель толкнул дверь, и мы шагнули внутрь.

Воздух в библиотеке был тяжелым. Он пах старой бумагой, дорогим воском, пылью и чем-то еще — резким, металлическим и тошнотворным. Запах свежей крови ни с чем не перепутаешь.

Просторное помещение тонуло в полумраке. Вдоль стен до самого потолка тянулись бесконечные стеллажи с книгами, фолиантами и свитками. В центре комнаты стоял массивный стол из красного дерева, заваленный документами. А прямо за ним, в глубоком кресле с высокой спинкой, откинувшись назад, сидел хозяин поместья.

Лорд Огаст Рейнхарт.

Я слотнула, заставив себя посмотреть на мертвеца. Ему было около шестидесяти. Иссеченное морщинами лицо застыло в маске абсолютного, животного ужаса. Его глаза были широко распахнуты, уставившись в расписной потолок, а рот приоткрыт в безмолвном крике. Богатый бархатный камзол на груди был насквозь пропитан темной, уже начавшей сворачиваться кровью.

В комнате царил идеальный порядок, если не считать пары сброшенных со стола перьев и опрокинутой чернильницы, чье содержимое медленно впитывалось в дорогой ковер.

— Осмотри стол, Валоран, — разрезал тишину голос Блэквуда. Он шагнул к телу, небрежно отодвигая ногой упавший канделябр. — Меня интересуют описи, долговые расписки, письма с личными печатями и всё, что имеет отношение к торговому союзу. Каждую бумагу вноси в протокол.

Я молча кивнула, достала из сумки свои бланки и подошла к столу, стараясь не смотреть на то, как Блэквуд в кожаных перчатках безжалостно ощупывает карманы убитого лорда.

Мои пальцы привычно и быстро замелькали над стопками бумаг. Приглашения на приемы, счета за поставки зерна, налоговые выписки. Ничего сверхъестественного. Я методично фиксировала каждый лист, краем уха слушая, как Блэквуд тихо ругается сквозь зубы.

— Ни ключа, ни личного перстня-печатки, — мрачно констатировал старший дознаватель, выпрямляясь. — Убийца забрал их.

Он резко развернулся к дверям, заслышав тяжелые шаги в коридоре. В дверном проеме появился запыхавшийся глава местной стражи.

— Господин старший дознаватель! — выпалил он. — В западном крыле найден потайной ход. Кажется, убийца ушел через него!

Блэквуд нахмурился, его взгляд стал еще острее.

— Валоран, продолжай опись. Никого не пускай в кабинет. Я осмотрю отходной путь и вернусь.

Не дожидаясь моего ответа, он стремительно вышел из библиотеки, увлекая за собой стражника. Тяжелые дубовые двери глухо закрылись, отрезая меня от внешнего шума.

Я осталась одна на один с мертвецом.

Тишина в библиотеке стала оглушительной. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять легкую дрожь в руках, и снова потянулась к стопке писем. Но мой взгляд случайно зацепился за деталь, которую я упустила из виду.

Пальцы правой руки Рейнхарта были судорожно скрючены. Они намертво вцепились в край его собственного залитого кровью камзола, прямо у ворота белоснежной батистовой рубашки. Словно перед самой смертью лорд пытался то ли сорвать с себя одежду, то ли, наоборот, спрятать что-то на груди.

Дознавательский инстинкт, выработанный за год службы, сработал быстрее голоса разума, кричащего мне ничего не трогать. Если там зажата улика — обрывок ткани убийцы или важная записка — я уверена, Блэквуд скажет мне спасибо.

Я обошла стол, стараясь не наступать на чернильное пятно, и приблизилась к телу. Запах железа ударил в нос с удвоенной силой. Затаив дыхание, я протянула руку и осторожно попыталась разжать окоченевшие пальцы Рейнхарта. Они поддались с тихим, пугающим хрустом.

В ладони ничего не было.

Я разочарованно выдохнула и уже хотела отстраниться, когда заметила нечто странное.

Плотный бархатный камзол и тонкая рубашка лорда были слегка разорваны там, куда тянулись его руки. Сдвинув пропитанную кровью ткань чуть в сторону краем своего пера, я обнажила участок бледной, безжизненной кожи прямо над сердцем.

И тут, во мгновение ока, мир вокруг меня качнулся и замер.

Воздух застрял в горле колючим комком, а сердце ударилось о ребра с такой силой, что потемнело в глазах.

Пергамент и перо соскользнули с моих рук и бесшумно упали на ковер.

Я зажмурилась, пытаюсь избавиться от наваждения. Но открыв глаза, окончательно поняла, что все по-настоящему.

Прямо на левой стороне груди убитого лорда, идеально ровная и четкая, красовалась метка. Знак был нанесен на кожу краской, въевшейся намертво, словно сама смерть оставила здесь свою подпись.

Идеально ровный, ярко-алый рисунок. Распустившаяся лилия.

Точно такая же, деталь в деталь, лепесток к лепестку, как та, что с самого рождения пряталась на моей собственной лопатке.

Глава 3

Липкая испарина мгновенно выступила на висках и ладонях. Я отшатнулась от кресла так резко, что едва не смахнула на пол тяжёлый бронзовый канделябр, а мышцы возле левой лопатки свело болезненной судорогой, словно метка под сюртуком отозвалась на алый рисунок на груди мертвеца.

Сходство было невозможно принять за случайность. Те же тонкие изгибы, те же пять лепестков, тот же густой алый цвет. Всю жизнь я считала свое родимое пятно лишь красивой отметиной, которую матушка по неизвестной причине заставляла скрывать, но теперь этот знак оставил убийца на теле одного из самых могущественных людей столицы.

Первая мысль была простой и до тошноты страшной: если жертве нанесли эту метку прямо перед смертью, то что, если моё родимое пятно вовсе не было родимым? Я не помню первые годы своей жизни и знаю о лилии только со слов матушки. Может быть, когда-то меня тоже пытались убить — и по какой-то причине не довели дело до конца?

Я подняла с ковра пергамент и перо, заставляя дрожащие пальцы двигаться быстрее. Блэквуд мог вернуться в любую минуту, а объяснять, почему вид метки на теле мертвого лорда чуть ли не отправил меня саму на тот свет, я совершенно не собиралась.

Тяжелые, размеренные шаги в коридоре раздались именно в тот момент, когда я сделала глубокий вдох и выпрямила спину. Массивные дубовые створки с грохотом распахнулись.

— Ход завален, — мрачно бросил Блэквуд, переступая порог и брезгливо отряхивая рукав черного камзола от каменной крошки и известки. — Убийца обрушил опорные деревянные балки в старом тоннеле. Стража уже разбирает завалы, но след все равно уже безвозвратно потерян.

Старший дознаватель остановился у края стола и впился в меня тяжелым, пронизывающим взглядом. Его льдисто-серые глаза прищурились, фиксируя каждую деталь.

— На тебе лица нет, Валоран. Кожа стала блее, чем у нашего мертвеца. Плохо от вида распоротого нутра и свернувшейся крови? Если сейчас упадешь в обморок, я не стану приводить тебя в чувство, так и знай. Оставляю валяться на этом ковре до приезда труповозки.

— Все в порядке, господин старший дознаватель, — мой голос прозвучал на удивление сухо и скрипуче, словно я проглотила горсть толченого стекла. — Просто... здесь слишком спертый воздух. И еще запах крови... Я не привыкла к такому.

Блэквуд лишь недовольно хмыкнул, явно принимая мое оправдание за типичную слабость кабинетной мыши, которая впервые оказалась за пределами своих пыльных стеллажей.

Он шагнул прямо к креслу лорда. Мои внутренности скрутило в тугой, болезненный узел.

— Посмотрим, за что он так отчаянно цеплялся перед тем, как отправиться на суд праотцов, — произнес Ксавьер, нависая над мертвецом.

Его пальцы ухватили края разорванной ткани и потянули их в стороны, окончательно открывая бледную грудь мертвеца.

Я опустила голову к протоколам, изображая крайнюю сосредоточенность, но продолжала следить за Блэквудом из-под ресниц.

Он замер.

Всего на мгновение, едва заметно, но я слишком внимательно за ним наблюдала, чтобы не увидеть. Его рука остановилась над телом, а широкие плечи тотчас же напряглись. Даже лицо на короткий миг изменилось, приобретая выражение странного недоумения.

Но вскоре привычная непроницаемость вернулась.

— Интересно, — наконец произнёс он. — Убийца проник в охраняемый дом, полный стражи, но всё же рискнул быть пойманным ради того, чтобы нанести этот рисунок.

Он медленно повернул голову ко мне.

— Готовь новый лист, Валоран. Пиши дополнение к первичному осмотру тела.

Я обмакнула кончик пера в тяжелую стеклянную чернильницу. Рука слушалась с огромным трудом, казалась ватной и принадлежала словно совершенно другому человеку.

— Готова, — выдавила я, глядя только на чистый, желтоватый пергамент.

— На левой стороне груди убитого, непосредственно над сердцем, обнаружена метка, — голос Блэквуда звучал ровно и размеренно. Он диктовал медленно, чеканя каждое слово. — Рисунок нанесён неизвестным красящим составом красного цвета. Форма — распустившаяся лилия с пятью лепестками. Диаметр около двух дюймов. Края ровные. Следов ожогов, шрамов или воспаления вокруг знака не обнаружено.

Чернила ложились на пергамент неровно. Я слишком сильно сжимала перо и всё никак не могла ослабить пальцы. Собственная рука казалась чужой, неповоротливой, а буквы выходили непривычно угловатыми.

Я записывала подробное описание метки и думала только о том, что точно такой же цветок сейчас скрыт под моим сюртуком.

— В твоих бесконечных архивах, с которыми ты возишься на цокольном этаже изо дня в день, — Блэквуд шагнул ближе к столу, нависая надо мной непроницаемой скалой, — тебе когда-нибудь попадался этот символ? Религиозная секта, тайная ложа, гильдия наемных убийц, герб опального рода? Вспоминай.

— Нет, старший дознаватель, — я солгала, глядя прямо на его темный плащ на уровне груди. — Никогда не видела ничего подобного в реестрах Бюро. Ни среди старых гербов знати, ни среди чего-либо еще.

Он продолжал смотреть на меня, и с каждой секундой сохранять равнодушное выражение лица становилось все труднее. Я чувствовала, как под воротником собирается влага, но не отводила взгляда и старалась дышать ровно.

Наконец Блэквуд отвернулся. Поверил он или просто решил пока не тратить на меня время, понять было невозможно.

— Продолжай описывать бумагу. Скоро здесь будет не протолкнуться от людей Совета и личной гвардии бургомистра. Нам нужно забрать все, что представляет хоть малейшую ценность для следствия, прежде чем эти осталопы наложат на документы свои жадные лапы и скроют от чужих глаз половину улик.

Я уткнулась в документы Рейнхарта, отчаянно пытаюсь заставить свои паникующие мысли работать в привычном, сухом бюрократическом русле. Цифры. Счета. Подписи. Я перелистывала плотные страницы амбарных книг, сверяла даты на расписках, машинально складывая колонки цифр и внося их в длинный протокол.

И вдруг мой взгляд, наметанный на поиск несоответствий, зацепился за нечто странное.

— Господин старший дознаватель, — мой голос внезапно окреп; липкий страх перед разоблачением на какое-то краткое мгновение отступил перед чистым профессиональным азартом и желанием доказать свою полезность. — Здесь нестыковка. Причем довольно серьезная.

Блэквуд тут же оторвался от изучения книжных полок, где выстукивал деревянные панели в поисках скрытых тайников, и быстро подошел ко мне.

— Докладывай.

— Лорд Рейнхарт был невероятно педантичен во всем, что касалось чужих денег и долговых обязательств. В его главной амбарной книге, — я указала кончиком пера на тяжелый фолиант в потрескавшемся кожаном переплете с металлическими уголками, — записано, что вчера поздно вечером он принял от барона Делакура крупный вексель на передачу прав владения тремя складами в Южной гавани. Это было в счет погашения старого, огромного долга. Запись свежая, чернила почти не выцвели, и она заверена личной подписью хозяина поместья. Но самого векселя на столе нет.

Блэквуд нахмурился, быстро пробегая внимательными глазами по строчкам, на которые я указывала.

— Может, он убрал его в настенный сейф до нашего прихода?

— Исключено, — я уверенно покачала головой, ловко перекладывая листы перед собой, чувствуя себя в этой бумажной кутерьме увереннее, чем гвардеец с мечом на плацу. — В описи входящей корреспонденции черным по белому указано, что вексель прибыл в одном запечатанном пакете с двумя другими документами: отчетом о поставках муки из северных провинций и письмом от главы гильдии рудокопов. Оба этих документа лежат здесь, в лотке для еще неразобранных бумаг. Видите? Значит, Рейнхарт просто не успел рассортировать вчерашнюю почту до того, как к нему вломились. Вексель должен был лежать прямо поверх отчета о муке.

Я подняла глаза на Блэквуда, чувствуя, как разрозненные факты складываются в четкую картину преступления.

— Убийце совершенно не нужны были золотые монеты, перстни или дорогие карманные часы лорда. Однако ему по какой-то причине приглянулся вексель Делакруа и, — я провела ногтем по журналу, — еще два личных письма из столицы, судя по пропущенным порядковым номерам в реестре.

Глаза Ксавьера хищно блеснули. В этот короткий миг он утратил свой лоск надменного начальника и стал похож на гончую, только что взявшую свежий след.

— Отличная работа, Валоран. Не зря ты просиживаешь свои лучшие годы в Бюро.

В этот самый момент снизу, с первого этажа просторного поместья, донесся громкий, нарастающий шум. Хлопнули парадные входные двери, зазвучали властные голоса, в ультимативной форме требующие пропустить их от имени Высшего Совета. Слышался резкий лязг обнажаемого оружия — местная стража убитого лорда явно не собиралась пускать чужаков на место преступления без боя, но против элитной гвардии, присланной высшей знатью, они были бессильны. Это был лишь вопрос нескольких минут, прежде чем толпа вооруженных людей ворвется в библиотеку.

— Стервятники слетелись на свежую падаль, — злобно процедил Блэквуд сквозь зубы. Он сгреб амбарную книгу, опись корреспонденции и стопку подозрительных писем, без церемоний запихивая их в свою объемную кожаную походную сумку. — Протокол закончен?

— Да, — я быстро поставила свою размашистую подпись в самом низу листа и обильно посыпала свежие чернила песком из специальной баночки, чтобы мгновенно высушить их и не размазать по дороге.

— Прекрасно. Мы уходим.

Я закинула свои письменные принадлежности в скрипящую сумку, бросив последний, полный неконтролируемого, леденящего ужаса взгляд на мертвого лорда и алую метку на его изуродованной груди.

Кем бы ни был этот человек, проникший минувшей ночью в хорошо охраняемый особняк и хладнокровно убивший влиятельного Огаста Рейнхарта, рано или поздно нам с ним предстоит встретиться.

Вопрос лишь в том, случится ли это в темнице Бюро или же... в моем собственном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.